

## КАЧЕСТВО ЖИЗНИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ МОДЕРНИЗАЦИИ\*

*А. П. ГЛУХОВ, Т. А. БУЛАТОВА*

### **Аннотация**

Статья посвящена проблеме оценки качества жизни в региональном аспекте как инфраструктурной инвестиции на социетальном и индивидуальном уровне. Рассматривается дихотомия объективистских и субъективистских подходов в тематизации и оценке качества жизни. Подчеркивается релевантность субъективистского подхода с акцентом на субъектность индивида в ситуации модернизации общества, а также важность контекста модернизационных процессов и перехода к пост-индустриализму как концептуальной рамки, в которой использование понятия «качество жизни» приобретает смысл оценки индивидуальных инвестиций в человеческий капитал через соответствующий образ жизни и улучшение качества предоставления социальных благ через модернизацию институтов.

Эмпирической базой служат данные проведенного стандартизированного социологического опроса на основе Программы и типового инструментария «Социокультурный портрет региона России» в рамках исследовательского проекта «Социокультурные факторы новой индустриальной модернизации в регионах (на материалах исследований в Томской области)».

Выдвигается гипотеза о большей критичности и более высоких «эталонах сравнения» как причине более низкой, чем в среднем по России, оценке составляющих качества жизни – качества социальной среды, социальных благ и социальных институтов жителями Томской области как одного из наиболее урбанизированных регионов с высоким уровнем образования населения и высоким качеством человеческого капитала.

**Ключевые слова:** качество жизни, уровень жизни, образ жизни, регионалистика, человеческий потенциал, социальное самочувствие, модернизация, инвестиции в человеческий капитал.

**Глухов Андрей Петрович** – кандидат философских наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью Томского государственного педагогического университета.

glukhovAP@tspu.edu.ru

**Булатова Татьяна Алексеевна** – кандидат медицинских наук, заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью Томского государственного педагогического университета.

bulatowa@mail.ru

---

\* Исследование проведено в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Социокультурные факторы новой индустриальной модернизации в регионах (на материалах исследований в Томской области)», проект № 15-03-00366.

**Цитирование:** ГЛУХОВ А.П., БУЛАТОВА Т.А. (2017) Качество жизни: региональный аспект социокультурной составляющей модернизации // *Философские науки*. 2017. № 3. С. 86–101.

### **Понятие качества жизни: объективистская и субъективистская интерпретации**

Пристальный интерес к концептам качества жизни, человеческого капитала и социального капитала в социально-философской рефлексии конца XX — начала XXI вв. вызван масштабными изменениями в экономике и социально-политической организации глобализирующегося мира, которые связаны с переходом от ресурсно-ориентированного социума (с задачей максимизации ресурсов, в том числе и узко понимаемых человеческих) к обществу знаний и креативности (где задачей становится возвращение инфраструктуры креативности для наиболее полного раскрытия человеческого потенциала).

На Западе понятие «качество жизни» начало активно входить в научное словоупотребление с 60-х гг. XX столетия с переходом на стадию постиндустриального развития, когда в качестве главного ресурса экономики и развития социума стали рассматриваться не столько природные богатства и индустриальный потенциал, сколько человеческий капитал, знания и компетенции, а представители среднего класса, насытившись потребительскими товарами, стали выше оценивать социально продуцируемые и социально потребляемые блага — здоровье, образование, безопасность, экологию — и стремиться к ним [Беляева 2009, 34].

В последние годы в рамках российского социально-экономического дискурса и аналитики (особенно, в регионалистике) заметно увеличился интерес к исследованиям качества жизни, как на региональном, так и на муниципальном уровнях.

Для России возрастающий интерес к вопросам оценки качества жизни также означает переход от общества дефицита к развитому обществу потребления, где начальные витальные потребности уже удовлетворены: как отмечают российские регионалисты Ю.В. Зубрилин, Н.С. Маликов, С.В. Акимова, «растущий интерес к проблематике качества жизни свидетельствует о том, что общество озабочено уже не столько проблемами самосохранения, сколько вопросами устойчивого социального развития и восстановления своей роли и своего места в мировом сообществе» [Зубрилин 2003, 85].

Понятие «качество жизни», как и понятие «уровень жизни» в российском научном дискурсе являются крайне полисемичными по смысловой интерпретации, их содержательное наполнение носит дискуссионный характер, так же как и способы операционализации через систему показателей и критериев.

В рамках российской традиции исследовательского словоупотребления существует несколько альтернативных вариантов наполнения объема термина «качество жизни». Один из патриархов советской и впоследствии российской социальной науки, И.В. Бестужев-Лада интерпретировал понятие «качество жизни» через различные (экономические, социальные, экологические) условия жизнедеятельности и возможности людей пользоваться теми социальными благами, которые создает само общество [Бестужев-Лада 1978, 125].

Современные российские регионоведы Т.Е. Благоевстова, Н.Ю. Налетова определяют качество жизни как «интегральную категорию, отражающую степень социального развития общества как совокупности качества населения, качества среды жизни и качества деятельности населения и имеющую объективно-субъективный характер» [Благоевстова, Налетова 2014, 56]. В качестве субъективистского варианта определения понятия качества жизни в контексте неклассической социологической концепции жизненных сил можно привести его дефиницию как «характеристики уровня организации жизненного пространства и степени развитости жизненных сил населения, его индивидуальной и социальной субъектности» [Лига, Щеткина 2011, 71].

Аналитик О.Ю. Мазепина, тематизируя проблемы определения и измерения уровня и качества жизни населения, выделяет дихотомию объективных/субъективных методик оценки качества жизни. К объективным методикам она относит такие, как «Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)» (ООН), методика измерения качества жизни населения (Комиссия ЮНЕСКО по народонаселению и качеству жизни), методика И.А. Гундарова, В.Н. Крутько, Д.С. Львова, А.А. Пригарина, В.А. Лищука, Ф.М. Руднинского, методика Института комплексных стратегических исследований, методика А.П. Егоршина и А.К. Зайцева, методика некоммерческой организации «Комитет по демографическому кризису», методика, разработанная С.А. Айвазян, и др. [Мазепина 2014, 84]. Субъективные методики (восходящие к представителям гуманистической психологии – А. Кэмпбеллу, П. Конверсу, К. Роджерсу, Э. Фромму) основываются на интерпретации понятия «качество жизни» как степени удовлетворенности человека своей жизнью, выражающейся в уровне и степени реализации его потребностей.

Несовпадение подходов в тематизации понятия «качество жизни» вызвано не только методологическими разночтениями, но и разницей стратегий исследовательского применения и функций данного понятия в корпусе парадигмальных подходов к обществу.

В рамках объективистского подхода качество жизни населения является, прежде всего, объектом заботы и попечения государства и улучшается через систему региональных социальных программ и

реформу социальных институтов. В перспективе подобного взгляда индикация качества жизни – это динамическая функция социальной политики соответствующих государственных структур, опирающихся в своей оценке на объективные статистические показатели – индикаторы качества жизни. Как отмечает И.А. Щеткина, «оценка качества жизни населения на региональном уровне дает возможность определять механизмы перехода к социальной политике, направленной на улучшение качества жизни жителей как значимой цели, от достижения которой будет зависеть будущее» [Щеткина 2013, 178] и ссылается на Стратегию национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., где подчеркивается, что Российская Федерация сосредоточивает свои ресурсы и усилия в первую очередь на повышении качества жизни российских граждан путем гарантирования личной безопасности, а также высоких стандартов жизнеобеспечения.

Поэтому вполне логична фокусировка внимания на региональном срезе измерений качества жизни, поскольку ситуация огромной региональной дифференциации субъектов Российской Федерации по всем значимым социально-экономическим параметрам провоцирует сравнения и интенцию на догоняющее развитие с ориентацией на эталонные регионы по тем или иным показателям. Данные показателей качества жизни позволяют осуществлять экспертизу реализуемых в регионах целевых социальных программ на предмет их эффективности в решении проблем населения. Интегральный показатель качества жизни выступает как индикатор благополучия/неблагополучия региона: «Оценка качества жизни является одним из методов выявления и своевременного реагирования на проблемы развития социально-экономической сферы, как регионов, так и страны в целом, и позволяет разработать политику, направленную на преодоление негативных и поддержание позитивных процессов социального развития территории» [Мазепина 2014, 84].

Подобного рода объективистский подход, как показывает О.Ю. Мазепина, сталкивается с целым рядом трудностей. В частности, набор и выбор социальных индикаторов, характеризующих качество жизни населения, носит достаточно произвольный характер и по его поводу отсутствует научный консенсус, интегральный характер общего индекса качества жизни приводит к нивелированию различий в отдельных его составляющих, благодаря чему как бы «покрываются» диспропорции теряется региональная специфика, отсутствие эталонно-нормативных показателей по каждому критерию также является существенной проблемой для сравнения результатов региональных исследований. См.: [Мазепина 2014, 86].

Представляется, что в изначально инкорпорированной в рамках данного объективистского подхода патерналистской установке существует методологический и общепарадигмальный изъян или абerra-

ция зрения: население региона рассматривается исключительно как объект попечения и заботы со стороны государственных органов, что, может быть, и верно для клиентов различных социальных служб при-зрения, но не для всего трудоспособного населения региона в целом. Качество жизни человека определяется не только числом больниц, школ и университетов в его поселении, но и его готовностью вкладывать свои индивидуальные усилия и свои частные средства в свое здоровье, образование, экологию жизни. Объективистский же подход имплицитно лишает субъектности индивида в процессе улучшения качества жизни и наделяет единственной субъектностью государственные органы, осуществляющие социальную политику.

У субъективистского подхода, рассматривающего качество жизни как своеобразную инвестицию в человеческий капитал, как на индивидуальном, так и на социальном уровне в данном отношении есть свои преимущества. Как отмечает российский исследователь И.А. Филюков, «главным компонентом национального богатства в современных условиях должно стать развитие человеческого потенциала и увеличение человеческого капитала, а условием его накопления является высокое и все повышающееся качество жизни» [Филюков 2008, 99]. Понятие качества жизни отражает не столько условия жизнедеятельности (которые задает кто-то внешний субъекту), но и результат данной жизнедеятельности, реализацию человеческого потенциала [Филюков 2008, 100].

Субъективистский подход к оценке качества жизни условно предполагает описание качества жизни «как функции и результата жизнедеятельности социального субъекта, который определяется реализуемым потенциалом человека в существующих условиях» [Маликов 2002, 178]. Соответственно, исходное в данном контексте понятие «человеческий потенциал» определяется как совокупность параметров, обуславливающих определенные возможности, способности, внутренние ресурсы для реализации тех или иных усилий, направленных на самосохранение и развитие, а также на преобразование окружающих условий [Файзуллин 2003, 9]. И.А. Филюков в отношении определения понятия «качество жизни» предлагает «четко разделить смежные с ним категории: «образ жизни», «уровень жизни» и «социальное настроение» [Филюков 2008, 100]. Уровень жизни характеризует объективные условия, созданные для человеческой жизнедеятельности и, «в отличие от качества жизни, предполагает прямое количественное измерение в денежных или натуральных единицах. Анализ уровня жизни населения позволяет оценить эти условия – составную часть качества жизни» [Филюков 2008, 101]. Однако для того чтобы воспользоваться созданными условиями, необходим соответствующий образ жизни: «...высокое качество жизни предполагает и соответствующий образ жизни» [Филюков 2008, 101]. Условно говоря,

наличие отличного стадиона и бесплатных тренажеров для поддержания здоровья отнюдь не гарантирует, что все социальные группы и индивиды им воспользуются в рамках ведения здорового образа жизни. Наконец, «качество жизни» включает также субъективную оценку степени реализации потенциала [Филиюков 2008, 101], которая на уровне социумов выливается в «социальное настроение».

И.А. Филиюков предлагает в качестве параметров социального настроения выделять:

- удовлетворенность отдельными аспектами жизни и перспективы решения проблем;
- оценку социальной значимости социально-экономических и политических реформ;
- степень адаптации к новым переменам, связанным с изменениями в жизни;
- отношение к деятельности властных структур» [Филиюков 2008, 102].

На уровень удовлетворенности и социальное настроение, помимо объективных характеристик своего социально-экономического положения и его субъективной оценки влияет характер оценки, тесно связанный с выбором эталона сравнения. Сам термин «эталон сравнения» имеет достаточно сложную структуру, он «складывается из одной или нескольких основ оценки, включающих уровень устремлений (то, чего человек стремится достичь), уровень ожиданий (то положение, которого человек надеется достичь в ближайшее время), уровень равенства (то положение, которого человек считает себя достойным), уровень референтной группы (т.е. группы, с которой он себя идентифицирует), личные потребности (предполагаемый размер вознаграждения) и другие» [Филиюков 2008, 102]. Вполне закономерно, что «эталон сравнения» для различных социальных слоев и статусно-профессиональных групп может быть весьма различным, и, следовательно, их оценка качества жизни и социальное настроение также могут сильно дифференцироваться, так же как и появление в поле общественного сознания новых «эталонов сравнения» (например, обнаружение советскими людьми невероятного для общества дефицита изобилия в западных магазинах, как считают многие аналитики, вызвало гиперкритичное отношение к советской системе и было одной из причин ее крушения) может резко менять социальное настроение.

Таким образом, в рамках субъективистского подхода субъектностью обладает прежде всего сам индивид (а не органы социального попечения в широком смысле) и именно он, через формирование определенного индивидуализированного образа жизни, задает индивидуальные стандарты потребления и качества жизни, а через общественное участие, как гражданин (а не как население) имеет

возможность задавать стандарты потребления общественных благ (безопасности, медицинского обслуживания, образования, экологии) в рамках модернизационных процессов и реформирования социальных институтов, что и трансформируется в качество жизни для всего социума.

В данном ключе понятие качества жизни (в отличие от понятия уровня жизни) имеет смысл только в рамках постиндустриальных и модернизирующихся обществ, где наличествуют индивидуальные и коллективные субъекты, прежде всего, средний класс и представители креативного класса, заинтересованные как в изменении образа жизни, так и в улучшении качества социальных благ (безопасности, медицины, образования, экологии) в рамках стратегии инвестирования в человеческий капитал. Как объяснял президент Международной социологической ассоциации П. Штомпка, модернизация — это и есть «особый способ осуществления социального становления, обеспечивающий широкий доступ для населения к расширяющимся возможностям реализации человеческого потенциала» [Штомпка 2013, 119].

В рамках этой парадигмы важнейшую роль в определении качества жизни играет параметр «социального настроения» граждан, поскольку акцентирует субъектность и важность динамического аспекта: при наличии позитивного тренда в качестве жизни и качестве потребления общественных благ, даже при низкой начальной базе социальное настроение улучшается и, наоборот, при негативном тренде, даже с высокой базой, социальное настроение идет на спад.

### **Методология и методика исследования качества жизни в рамках субъективистской парадигмы**

Известный российский исследователь модернизационных процессов Л.А. Беляева в рамках субъективистского подхода предлагает методику измерения качества жизни на основе субъективных представлений с использованием индексного метода [Беляева 2009, 33]. Исследователь подчеркивает важность субъективного подхода с применением методов социологии, а не только статистики: «Субъективные оценки важны уже в силу того, что они могут быть дифференцированы по регионам, социальным и демографическим группам и позволяют составить объемную картину настроений в обществе. Они проецируются на всю систему отношений: между индивидами, социальными группами, регионами, а также на отношения индивидов с социальными институтами и главным институтом — государством. Измерение субъективных оценок качества жизни может давать информацию о возникновении и наличии в обществе социальных напряженностей. В этом контексте качество жизни — это степень удовлетворенности человеком своей жизнью

в целом и ее отдельными компонентами на основе его собственной субъективной оценки» [Беляева 2009, 33–36]. Автор предлагает объединить систему субъективных показателей качества жизни в 4 компонента (I. Уровень жизни (благополучие); II. Качество ближайшей социальной среды; III. Качество экологии; IV. Социальное самочувствие населения) и провести соответствующие замеры в разных регионах с последующим сравнительным анализом.

### **Качество жизни как субъективная оценка жителей региона**

Исследовательская группа из Томского государственного педагогического университета в рамках проекта «Социокультурные факторы новой индустриальной модернизации в регионах (на материалах исследований в Томской области)» (1) использовала данный методологический подход в качестве основания для изучения динамики субъективных оценок качества жизни жителями Томской области, однако, без вычисления индексов. Используемая стандартизированная анкета имеет только частичное пересечение с наполнением параметров указанных компонент, которые позволили бы произвести точные вычисления. Тем не менее полученные данные позволяют провести сравнительный анализ и сопоставление с данными субъективных оценок по всей России в целом. Для получения эмпирических данных в была использована типовая методика (опросы-интервью) [Лапин, Беляева 2010] в рамках Программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (руководитель – д-р филос. наук, проф., чл.-корр. РАН Н.И. Лапин).

Значительная доля вопросов анкеты была посвящена оценке качества жизни. Исследование проводилось в 2015 г. в Томской области методом формализованного интервью с использованием стандартизированной анкеты, сходной для различных регионов, проводящих подобные исследования, по месту жительства по стратифицированной, многоступенчатой, районированной квотной выборке. Выборка являлась репрезентативной по полу, возрасту, уровню образования, случайной на этапе отбора респондентов.

*Уровень жизни* (включает оценку материального уровня жизни, удовлетворенности жильем, доступности медицинской помощи, доступности образования). Как показывают данные исследования, уровень материального достатка респондентов «оставляет желать лучшего»: у 11,2% респондентов денег не хватает на повседневные затраты (11% – по России в целом), на повседневные затраты уходит вся зарплата у 18% (18,1% – по России), покупка одежды уже затруднительна для 19,6% респондентов-томичей (для 22,2% – по России). Однако доля обеспеченных граждан (почти на все хватает, на все хватает) в Томской области почти в 2 раза больше, чем по России. Ухудшение материального положения отметили значительно меньшее количество

респондентов-томичей, чем по России. Главный вопрос, связанный с государственным услугами в обеспечении здоровья населения: «Чем не удовлетворяет Вас государственное медицинское обслуживание?» К первой пятерке претензий были отнесены трудности с попаданием к врачу и большие очереди (выбрали 65,1% населения по Томской области, 38,8% — по России), невежливое, невнимательное обращение врачей и медицинского персонала (24,9% — по региону, 15,4% — по России), выписываемые лекарства трудно достать или они слишком дорогие (24% — по региону, 17,7% — по России), ограниченное количество услуг в поликлиниках (22,7% — по региону, 15,7% — по России). Платные услуги отягощают жизнь 17,5% томичей (против 15,3% по России в целом).

Косвенно о восприятии образования как реально доступного ресурса профессионального роста свидетельствует то, что для сохранения или улучшения своего материального положения (из ответов на вопросы) 11,7% томичей получают дополнительное образование, чтобы продвигаться по работе, что в два раза выше, чем в целом по стране (5,3%).

Оценка удовлетворенности уровнем жизни жителей региона свидетельствует, что при наличии больших проблем в условиях новой кризисной реальности в сохранении материального уровня жизни, обеспеченности жильем, томичи чувствуют себя более комфортно, чем россияне в целом. Исключением является низкая оценка и констатация претензий по отношению к государственной медицине.

**II. Качество ближайшей социальной среды** (уровень защищенности от преступности, бедности, произвола чиновников и произвола правоохранительных органов). Проблема преступности в общественном сознании остается в значительной степени актуальной, при этом уровень доверия к правоохранительным органам не очень высок: склонны не доверять полиции 38% жителей региона, 25% затруднились с ответом. От преступности чувствуют себя совсем не защищенными и скорее незащищенными почти половина респондентов — 49,8% (44,6% — по России в целом). Качество безопасности проживания жители Томской области оценивают ниже, чем в целом по России.

Восприятие вероятной бедности формирует состояние полной или частичной незащищенности и страха больше, чем у половины населения региона — 54,4% (56,6% — в целом по России), притом что крайние полюса мнений (полностью защищен/полностью не защищен) набрали среди томичей больше сторонников. От произвола чиновников чувствуют себя полностью незащищенными или частично не защищенными больше половины опрошенных жителей региона — 51,9% (против 46,2% по России в целом). Произвол правоохранительных органов в восприятии населения представляет опасность для 40,5% томичей (37,3% — по России в целом).

В целом качество ближайшей социальной среды жители Томской области оценивают ниже, чем население России в целом: местную идентификацию принимают в меньшей степени, качество обеспечения безопасности оценивают ниже, доверие к правоохранительным органам и чиновникам испытывают в меньшей степени. В качестве гипотезы можно предположить, что данное расхождение объясняется не столько объективной ситуацией (данные региональной статистики не показывают большого смещения в сторону ухудшения в области правопорядка по сравнению с Россией в целом), сколько большей критичностью и высокими «эталопами сравнения».

**III. Качество экологии** (защищенность от экологической угрозы, уровни чистоты воды и воздуха). Тема защищенности от экологической угрозы отразилась в мнениях жителей. Защищенными в целом чувствуют себя 25,1% опрошенных (24% – по России), незащищенными – 45,7% (49,4% – по России в целом). На вопрос о чистоте воздуха, 41,8% респондентов-томичей (против 43,5% по России в целом) ответили, что воздух обычно достаточно чистый. По отношению к чистоте воды, жители региона высказались в пользу того, что вода достаточно чистая – 43,2% респондентов (41,6% – по России в целом). Хотя низкое качество экологии волнует в различных вариациях около половины жителей Томской области, в целом по сравнению со среднероссийскими показателями острота проблемы воспринимается чуть меньше.

**IV. Социальное самочувствие населения (уровень уверенности в будущем, удовлетворенности жизнью, ощущения самостоятельности).** Тема уверенности в будущем раскрылась в балансе субъективных оценок: полную или частичную уверенность ощущают 47,4% населения, (52,5% – по России в целом), не совсем уверены в будущем – 21,5% (28,5% – по России в целом). Среди жителей Томской области много не определившихся (29,3%), при этом, значительно меньше, чем по России в целом, как оптимистов, так и пессимистов в отношении будущего.

Удовлетворенность жизнью – сложный, на грани парадоксальности, общественный феномен, в формировании которого играют роль не только объективные показатели уровня жизни, комфортности, но и социально-психологические механизмы оценок и сравнений, мировоззренческие установки. Больше половины томичей и жителей России в целом удовлетворены жизнью (при парадоксально низком уровне удовлетворенности отдельными показателями качества жизни).

В отношении улучшения жизни, жители региона в большей степени полагаются на самих себя и близких родственников, в меньшей степени уповают на действия властей разного уровня (при этом, выше всего ожидания от общероссийской власти). Далее по степени убывания надежд на помощь в улучшении идут действия начальника

по работе и помощь друзей, земляков. Компаративистский подход позволяет выявить более высокий уровень автономии и уверенности на региональном, по сравнению с общероссийским уровнем (превышение по абсолютной зависимости улучшений «от себя» — на 15%). Однако при этом уровень доверия ко всем категориям власти в перспективе возможностей улучшения своей жизни у томичей значительно ниже, что свидетельствует о низкой субъективной оценке качества институтов управления.

Подобного рода настроения свидетельствуют, с одной стороны, о «взрослой» модернистской установке индивидуальной ответственности за качество своей жизни среди значительной части населения Томской области и, в особенности, областного центра. Индивид предстает не как инфантильный объект социального попечения, но как преодолевший патерналистские установки субъект деятельности по улучшению своего индивидуального качества жизни и выстраивания своей собственной комфортной микросреды обитания. С другой стороны, обеспечение таких коллективных благ, как безопасность, медицина, образование и экология неизбежно носит социальный характер. В этом случае результаты опросов свидетельствуют о большой распространенности установки на отчуждение и неверие в эффективность институтов, призванных их обеспечивать, что неизбежно подрывает доверие к самим институтам общества. Национальный социальный капитал демонстрирует низкий уровень состоятельности.

Алгоритм улучшений состоит, вероятно, в переходе от осознания и заботы о качестве своей жизни гражданами на индивидуальном уровне к коллективным действиям по реформированию и модернизации институтов, призванных предоставлять социальные блага, как составляющие социальной инфраструктуры качества жизни.

### **Качество жизни как субъективная оценка государственных и индивидуальных инвестиций в человеческий капитал**

Представляется, что парадигма человеческого капитала как результата сознательных долгосрочных индивидуальных и общественных инвестиций в человека хорошо коррелирует с интерпретацией понятия качества жизни в рамках модернизационной парадигмы.

Лауреат Нобелевской премии по экономике Гэри Беккер [Becker 1976] определял человеческий капитал как совокупность навыков, знаний и умений человека, приобретенных на протяжении жизни. В качестве инвестиций в него Беккер в основном рассматривал затраты на образование и обучение. Беккер также попытался оценить экономическую эффективность одного из видов инвестиций

в человеческий капитал — образования (прежде всего для самого работника) как отношение доходов к издержкам, получив примерно 12–14% годовой прибыли. К середине XX в. ключевая идея о том, что имеющиеся у людей знания, навыки, компетенции — это тоже форма капитала, быстро завоевала всеобщее признание. После этого основной поток исследований (в частности, работы Т. Шульца, Г. Беккера и Дж. Минцера), выполненных в рамках теории человеческого капитала, оказался сфокусирован на проблемах измерения отдачи от инвестиций в человека (таких как образование, здравоохранение) и оценке вклада подобных инвестиций в экономический рост [Капелюшников 2013]. В Российской традиции экономической мысли анализ западных подходов к интерпретации человеческого капитала и собственную оригинальную модель, адаптированную к российским условиям, можно найти в работе исследователя Р.И. Капелюшникова «Сколько стоит человеческий капитал России?» [Капелюшников 2013].

Подобный, казалось бы, эконоцентричный подход позволяет рассматривать создание комфортных условий жизни и обеспечение материальными и социальными благами не как необязательный элемент политики социального обеспечения, но как необходимую для развития и дальнейшей модернизации общества инвестицию в качество жизни, неизбежно, со временем, оборачивающуюся повышением стоимости человеческого капитала, т.е. растущей компетенцией, креативностью и ответственностью специалистов, что и является основой современной постиндустриальной экономики и информационного общества.

В рамках индустриализма, где ключевыми элементами экономики выступают природные ресурсы и инвестиции в производственные мощности, инвестиции в трудовые ресурсы, напротив, обладают ограниченной эффективностью: работодателю и государству нет необходимости вкладываться в «чрезмерное» улучшение качества жизни рабочих и других сотрудников, оно, в отличие от новых технологий, не дает экономической отдачи.

Напротив, когда мы переходим от модели «исполнительской» экономики к креативной экономике сетевых проектов, драйвером экономического роста и общественных изменений становится, в терминологии Ричарда Флориды [Флорида 2005], креативный класс, требующий создания определенных условий проживания и достижения определенного качества жизни. Ричард Флорида подчеркивает, что речь идет не столько о достижении определенного уровня достатка, сколько о создании индивидуальных и социальных условий для проявления креативности. Помимо практик long-life education, креативный класс нуждается в гибком графике и не изматывающем режиме работы, в наличии условий для занятий спортом и мест отды-

ха, в обеспечении физической безопасности и создании толерантной к различиям и стимулирующей местной культурной среды.

Для России сегодня наличествует определенная историческая развилка в отношении к человеческому капиталу. В случае сохранения ресурсного вектора развития экономики и консервации интенций на социальные изменения будет сохраняться патерналистская установка в отношении качества жизни как, прежде всего, социальной политики, направленной на социальное обеспечение и выравнивание положения малоимущих (низкооплачиваемых работников, пенсионеров, безработных) за счет государственных дотаций. В рамках подобного подхода население – это не ресурс, а обуза, придаток к сырьевой экономике. При выборе вектора на модернизацию экономики и общества переход к постиндустриальному обществу и информационной экономике, вложения, индивидуальные и государственные, в качество жизни – это необходимые долгосрочные экономические инвестиции, должностующие принести прибыль и различного рода бонусы как индивиду, так и обществу в целом.

На сегодняшний день, как показывают данные региональных исследований, в России преобладают настроения индивидуального инвестирования в качество своей жизни при снижении надежд на сколь-нибудь быстрое улучшение работы социальных институтов как социальной инфраструктуры регионального качества жизни и предоставления социальных благ.

*ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА*

Беляева 2009 – *Беляева Л.А.* Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 33–36.

Becker 1976 – *Becker G.* The Economic Approach to Human Behavior. – Chicago, 1976.

Бестужев-Лада 1978 – *Бестужев-Лада И.В.* Методологические проблемы исследования качества, уровня и образа жизни // Современные концепции уровня, качества и образа жизни. – М.: ИСИ АН СССР, 1978.

Благовестова, Налетова 2014 – *Благовестова Т.Е., Налетова Н.Ю.* Качество жизни населения региона: методика оценки // Псковский региональный журнал. 2014. № 20.

Зубрилин 2003 – *Зубрилин Ю.В.* Стратегия повышения качества жизни населения региона // Уровень жизни населения регионов России. 2003. № 5.

Капелюшников 2013 – *Капелюшников Р.И.* Сколько стоит человеческий капитал России? Часть 2 // Вопросы экономики. 2013. № 2. С. 15–27.

Лапин, Беляева 2010 – *Лапин Н.И., Беляева Л.А.* Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). – М., 2010.

Лига, Щеткина 2011 – *Лига М.Б., Щеткина И.А.* Качество жизни: организационно-управленческий аспект. – Новосибирск: Наука, 2011.

Мазепина 2014 – *Мазепина О.Ю.* Проблемы определения и измерения уровня качества жизни населения // Проблемы развития территории. 2014. Вып. 6 (74). С. 84–86.

Маликов 2002 – *Маликов Н.С.* К вопросу о содержании понятия «качество жизни» и его измерению // Уровень жизни населения регионов России. – М.: Наука, 2002.

Файзуллин 2003 – *Файзуллин Ф.С.* Социальные факторы развития человеческого потенциала. Поиск методологии исследования // Социальные факторы развития человеческого потенциала на региональном уровне: сб. материалов Всероссийской науч.-практ. конф. – Уфа: БашГУ, 2003.

Филюков 2008 – *Филюков И.А.* Социологические аспекты определения и оценки категории «качество жизни» // Вестник ЮУрГУ. 2008. № 21 (121) (Серия «Социально-гуманитарные науки. Вып. 11). С. 99–102.

Флорида 2005 – *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – М.: Классика-XXI, 2005.

Штомпка 2013 – *Штомпка П.* Модернизация как социальное становление (10 тезисов по модернизации) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 6 (30).

Щеткина 2013 – *Щеткина И.А.* Качество жизни как показатель социального развития региона // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. 2013. №4 (51).

## QUALITY OF LIFE: REGIONAL ASPECT OF SOCIO-CULTURAL COMPONENTS OF MODERNIZATION

*A.P. GLUKHOV, T.A. BULATOVA*

### Summary

The article is devoted to the life quality evaluation problem in the aspect of region. The article considers dichotomy in objective and subjective approaches in the context of thematic fronting and life quality evaluation. The work emphasizes the relevance of subjective approach for the research. Modernization processes, which help to define “quality of life”, are also very important. It is possible to estimate a social institute contribution to the modernization through the life quality improvement. Using the four component method of life quality measuring, we made a comparative analysis, which shows quality of life in Tomsk region in comparison with general results. The empirical base for the study is a survey in the program “Social and cultural portrait of the Russian region” in the frame of the project “Social and cultural new modernization factors in Russia”. Four key points are considered: life quality evaluation, the nearest social area evaluation, ecology evaluation and social feeling evaluation. It is found, that people are not satisfied with their life quality, although Tomsk region has a high level of education and it is one of the most urbanized regions in Russia. There is a statement (hypothesis) about the higher criticality level and the higher “comparative standard”, which cause the low life evaluation (lower than in Russia averagely): social environment quality, social well-being and social institutes; although the Tomsk region is considered as one of the urbanized regions with the high education level and the high human capital assets quality.

**Keywords:** life quality, life standarts, lifestyle, social feeling, human potential, regionalistics, modernization, investment in human capital.

**Glukhov, Andrey** – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor of the Department of Advertising and Public Relations at the Tomsk State Pedagogical University.

glukhovAP@tspu.edu.ru

**Bulatowa, Tatyana** – Ph.D. in Medical Sciences, Head of the Department of Advertising and Public Relations at the Tomsk State Pedagogical University.

bulatowa@mail.ru

**Citation:** *GLUKHOVA P., BULATOVA T.A.* (2017) Quality of Life: Regional Aspect of Socio-Cultural Components of Modernization. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 3, pp. 86-101.

#### REFERENCES

Belyaeva L.A. (2009) ‘The level of life and life quality. The problem of measuring and rendering’. In: *Sociological researches*. 2009. Vol. 1, pp. 33-36 (in Russian).

Becker G. (1976) *The Economic Approach to Human Behaviour*. Chicago, 1976. 320 p. (Russian trans).

Bestuzhev-Lada I.V. (1976) ‘Methodological problems of research: quality of life and mode of life’. In: *Modern conceptions: level of live, mode of life*. Moscow, Institute of Sociology, USSR Academy of Science, 1978 (in Russian).

Blagovestova T.E., Naletova N.Y. (2014) ‘The lifequality of the population in the region: methodology for assessment’. In: *Pskov regionologicheskyy magazine*. 2014. Vol. 20 (in Russian).

Faizullin F.S. (2003) ‘Social factors of human development. The search of research methodology’. In: *Social factors of human development at the regional level: Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical conference*. Ufa, Bashkir State University, 2003 (in Russian).

Filiukov I.A. (2008) ‘Sociological aspects of the identification and life quality evaluation’. In: *Bulletin of South Ural State University*. Series: Social and Human Sciences Issue 11. 2008. 21 (121), pp. 99-102 (in Russian).

Florida R. (2005) *Creative individuals: people, who change the future*. Moscow, Classic-XXI, 2005 (in Russian).

Kapelushnikov R.I. (2013) What’s the price oh human’s capital in Russia? Part 2. In: *Economical questions*. 2013. Vol. 2, pp. 15-27 (in Russian).

Lapin N.I., Belyaeva L.A. (2010) *Program and the standard toolkit «Sociocultural Portrait region of Russia»* (Modification – 2010). Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Moscow, 2010 (in Russian).

Lyga M.B., Shchetkina I.A. (2011) *Quality of life: organizational and administrative aspects: a monography*. Novosibirsk: Nauka [Science], 2011 (in Russian).

Mazepina O.Yu. (2014) 'Problems of definition and measurement of life quality'. In: *Problems of the territorial development*. 2014. 6 (74), pp. 83-90 (in Russian).

Malikov N.S. (2002) 'To a question of content of the concept "quality of life" and its measurement'. In: *The standard of living of the population of Russian regions*. Moscow, Nauka [Science], 2002 (in Russian).

Shtompka P. (2013) 'Modernization as a social formation (10 theses on modernization)'. In: *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2013. Vol. 6 (30), (Russian trans.).

Shchetkina I.A. (2013) 'Quality of life as an indicator of social development of the region'. In: *Scientific notes of the Trans-Baikal State University*. Series: Philosophy, sociology, cultural studies, social work. 2013. Vol. 4 (51) (in Russian).

Zubrilin V. (2003) 'Strategy of improving the life quality in the region'. In: *The level of life in Russian regions*. 2003. Vol. 5 (in Russian).